

Примечания

¹ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 471. Оп. 1. Д. 424. Л. 4.

² *Л. Гейст*. Письмо автору статьи от 5.01.07 г.

³ Марийская правда. 1943. 14 ноября

⁴ ГА РМЭ. Ф. 471. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.

⁵ Там же.

П.П. ВАНДЕЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Войну я встретил семилетним ребенком. Случилось это на самой границе, куда мама в начале июня 1941 г. поехала со мной к своим родным в г. Измаил, в Южную Бессарабию. После присоединения Бессарабии к СССР, захваченной Румынией в 1918 г., южная часть этой провинции, населенная преимущественно украинцами, вошла в состав Украинской ССР, а ныне является частью независимой Украины.

Помню первые сообщения уличных громкоговорителей: «Граждане! Измаилу объявлена воздушная тревога!». Еще помню, как мой дядя, брат матери, копал у себя в дворике убежище, которое, разумеется, никому не успело пригодиться.

Мы непременно погибли бы, ибо мать моя была еврейкой, да еще коммунисткой, но выручило, во-первых, то, что в этом месте наступали румынские войска (Румыния, как известно, была союзницей фашистской Германии), которые не отличались особой боеспособностью; во-вторых, стратегия Гитлера–Сталина. Последний ошибочно полагал, что немецкая армия нанесет главный удар в южном направлении, и сосредоточил здесь больше сил и средств, тогда как фюрер, наоборот, более крупные силы сконцентрировал в центре, в направлении Минск–Смоленск. Поэтому в первые дни войны немецкое наступление на юге развертывалось медленнее, что и дало нам возможность бежать. Помню, что сначала нас погрузили на открытые платформы, затем – в грузовые закрытые вагоны, наконец, в пассажирские, где мы обычно стояли, а изредка сидели. Смутно помню разрывы бомб, вой сирен, но никакого страха я не ощущал.

Когда мы прибыли в Москву, город был уже затемнен. Ежедневно объявляли воздушную тревогу, женщины и дети прятались сначала в подвале нашего дома, а позднее – на ближайшей станции метро. Мужчины вечерами поочередно дежурили да крыше и тушили «зажигалки». Но в общем Москва мало пострадала от воздушных бомбардировок, для ее защиты с воздуха были стянуты мощные силы ПВО, действовавшие очень эффективно. Как рассказывал мне отец, немецкие военнопленные, которых провели в июле 1944 г. маршем по Москве, возмущались тем, что, вопреки заверениям пропагандистов Геббельса о превращении российской столицы в руины, она цела. Возмущались они, впрочем, по словам отца, не теми, кто их обманул, а именно тем, что Москву не удалось разбомбить, тогда как Берлин уже тогда был на 25 % разрушен.

После прорыва немецких войск к Москве в середине октября 1941 г. я был эвакуирован на восток вместе со многими другими детьми. Нас поместили в один из домов отдыха Горьковской области, который назывался «Лесной курорт». В нем содержалось более 300 детей. Это было летнее заведение, не приспособленное к зиме, и в помещении было очень холодно. Голод тоже давал о себе знать. Сначала

нас кормили три раза в день, а с лета 1942 г. перевели на двухразовое питание. Несколько вырубал большой земельный участок, засаженный овощами. При этом, как я помню, однажды, выступая перед нами, детьми и персоналом, директор сказал, что один вагон собранных овощей мы отправим фронту. Мы почувствовали большую гордость: помогаем фронту!

Помню, как мы, первоклассники, разыгрывали патриотическую сценку. Сюжет ее был такой. Раненый немец лежит в кустах у дороги. На него наткнулись дети, брат и сестра, Катя и Вася (до сих пор помню их имена). Немец просит пить. Дети пожалели его, принесли ему воды, он попил и вдруг крепко схватил их за ноги. Но Васе удалось вырваться и убежать. В это время к раненому подошли немецкие солдаты, которые на ломаном русском языке стали допрашивать девочку, утверждая, что она ходила к партизанам, и требовать, чтобы она показала, где «партизанский тропка». Один из немцев бьет ее прикладом. Но тут показываются партизаны, которых привел Вася, они убивают и прогоняют немцев, а коварного раненого забирают в плен. Мораль понятна. Раненого немца играл я. Может быть, мне дали эту роль потому, что я был немцем по отцу. Вообще же в «Лесном курорте» было несколько детей немецких коммунистов-эмигрантов, некоторых из них я знал еще по детскому саду. Собственных немцев, даже членов ВКП(б), советские власти не жаловали, сослав всех до единого, из которых многие погибли.

В сентябре 1943 г. нас вернули из эвакуации. Моих родителей, работников Коминтерна, тоже эвакуировали в октябре 1941 г., но они возвратились годом раньше меня.

События войны живо интересовали всех детей, мы серьезно обсуждали их. В то время на фронте уже наступил перелом в пользу Красной Армии. У многих детей с нашего двора воевали отцы и старшие братья, у некоторых они погибли. Из 5 мобилизованных на фронт отцов вернулось домой только двое раненых, из старших братьев (тогда брали уже семнадцатилетних) не погиб никто.

Мы внимательно слушали последние известия по радио, которое было почти у всех (радиоточка), и несказанно радовались сообщениям о победах. Но на первых порах нас радовали не столько эти сообщения, сколько вечерний салют, которым они сопровождалась. Однако постепенно меня и моих сверстников стали больше интересовать уже не салюты, а сообщения о победах. Мы все всерьез высказывали свое мнение о качестве полководцев. Особенно высоко почему-то ставили Рокоссовского. Помню – это было весной 1944 г. – один из наших «боевых стратегов» сказал, что останься Рокоссовский командующим Первым Украинским фронтом, наши войска были бы уже на границе, а его вот перебросили «на болота» (командующим Первым Белорусским фронтом), заменили Жуковым, и наступление застопорилось. Мы все согласились с ним. О качествах Жукова как полководца у нас во дворе заговорили позже. Насчет Сталина никаких сомнений у нас не было, в его гениальность верили все. Говорили о том, что Сталин знал о надвигающейся войне, а мы знали и понимали, что победы над врагом прежде всего – его заслуга.

Еще помню рассуждения об атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Узнал я об этом не от родителей и не от соучеников, а от ребят со двора. Беседа уже шла в их кругу, когда я подошел и услышал, как один мальчик сказал: «Да, бомба мощная. Три таких бомбы и Москвы не стало бы». Никто не пожалел жертв бомбардировки и никого не испугала такая перспектива для Москвы. «Здорово!» – прокомментировал еще один собеседник.

Помню торжество при известии о взятии Берлина, о победе и капитуляции Германии, Парад Победы на Красной площади, о котором я читал в «Пионерской правде» и слышал рассказы. Мы пели песни, кричали «Ура!», веселились. Мы продолжали интересоваться международными событиями, обсуждали их, однако, начиная с 1945 г, интерес к ним, не исчезая, все больше уступал место другому увлечению – футболу. В это время возобновились игры на первенство и на кубок СССР, и мы отчаянно «болели» за полюбившиеся нам команды. Большинство ребят из нашего двора были сторонниками ЦДКА и ненавидели главного соперника этой команды – московское «Динамо»...

Запечатлелось у меня в памяти и большое распространение нищенства и спекуляции в Москве. Спекулировали продуктами, одеждой, марками (а я их собирал), книгами, спиртным. Нищим я всегда подавал из денег, которые родители давали мне на завтраки в школе, спекулянтами возмущался, хотя к их услугам иногда прибегал для приобретения марок и книг...

С чем мне ни разу не пришлось столкнуться, так это с проявлением упадка духа, с паникой перед врагом. Уже после войны я неоднократно спрашивал мать, отца, других взрослых знакомых, сомневались ли они в конечной нашей победе, когда враг стоял у стен столицы и оккупировал огромную территорию страны. Все отвечали мне, что никогда и на минуту не сомневались в победе.

Т.Г. НЕФЁДОВА

**«И, КОНЕЧНО, СТРЕМИЛАСЬ Я НА ФРОНТ»: ИНТЕРВЬЮ
С УЧАСТНИЦЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ А.А. ТЮТЬКОВОЙ
(ИЗ ФОНДОВ ПРОЕКТА «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ»)**

Разработка научно-исследовательского проекта «Человек на войне» началась на историческом отделении Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской в преддверии юбилейной даты – 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. С 2005 года работы по проекту ведутся совместно с Комитетом Республики Марий Эл по делам архивов. В соответствии с приказом Комархива от 23 декабря 2005 года «О научно-исследовательском проекте «Человек на войне», был разработан Координационный план научно-исследовательских работ, утвержден Координационный совет по организации научно-исследовательского проекта «Человек на войне» под руководством председателя Комитета Республики Марий Эл по делам архивов Р.А. Кулалаевой.

Целью научно-исследовательского проекта «Человек на войне» было создание нового вида источника, которым стали неформализованные интервью с рядовыми участниками военных сражений Великой Отечественной войны по специально разработанной программе. Эта программа интервьюирования определяла круг проблем, освещение которых позволяло подойти к изучению важных сюжетов Великой Отечественной войны, которые дают возможность составить целостную картину этого важнейшего исторического события. Такими нетрадиционными проблемами для отечественной историографии Второй мировой войны стали морально-психологическое состояние войск, фронтовой быт, которые рассматриваются в качестве важных факторов, способных решить исход конкретного боя и целого сражения. Именно эти проблемы и их составляющие – снабжение армии продовольствием, солдатский быт и рацион, отношение к своей армии и товарищам